

«МИР ВАМ!»

Майя Фолкинштейн

В Еврейском музее и Центре толерантности отдали дань памяти Шолом-Алейхему

Исделали это посредством оригинального выставочного проекта. Причем, что наиболее ценно, — вовремя.

Ведь псевдоним писателя, при рождении названного Шоломом Рабиновичем, переводится просто, словно некое обращение к человечеству — «мир вам!». А это словосочетание, как воздух, необходимо нашим дням, когда ненависть людей разных национальностей и вероисповеданий, кажется, достигла едва ли не апогея. К тому же проявления естественных, не продиктованных и малейшей корыстью чувств, ранее считавшихся чем-то элементарным, сейчас, увы, стали редкостью.

Однако тоска по ним даже вопреки бешеному, подчас вовсе безжалостному ритму нынешней жизни, по-прежнему велика. И этот дефицит пусть и виртуально, но все же способны восполнить многим хорошо знакомые с юных лет произведения Шолом-Алейхема, появившегося на свет в России, в 1859-м, а завершившего свой жизненный путь в Америке, в 1916-м.

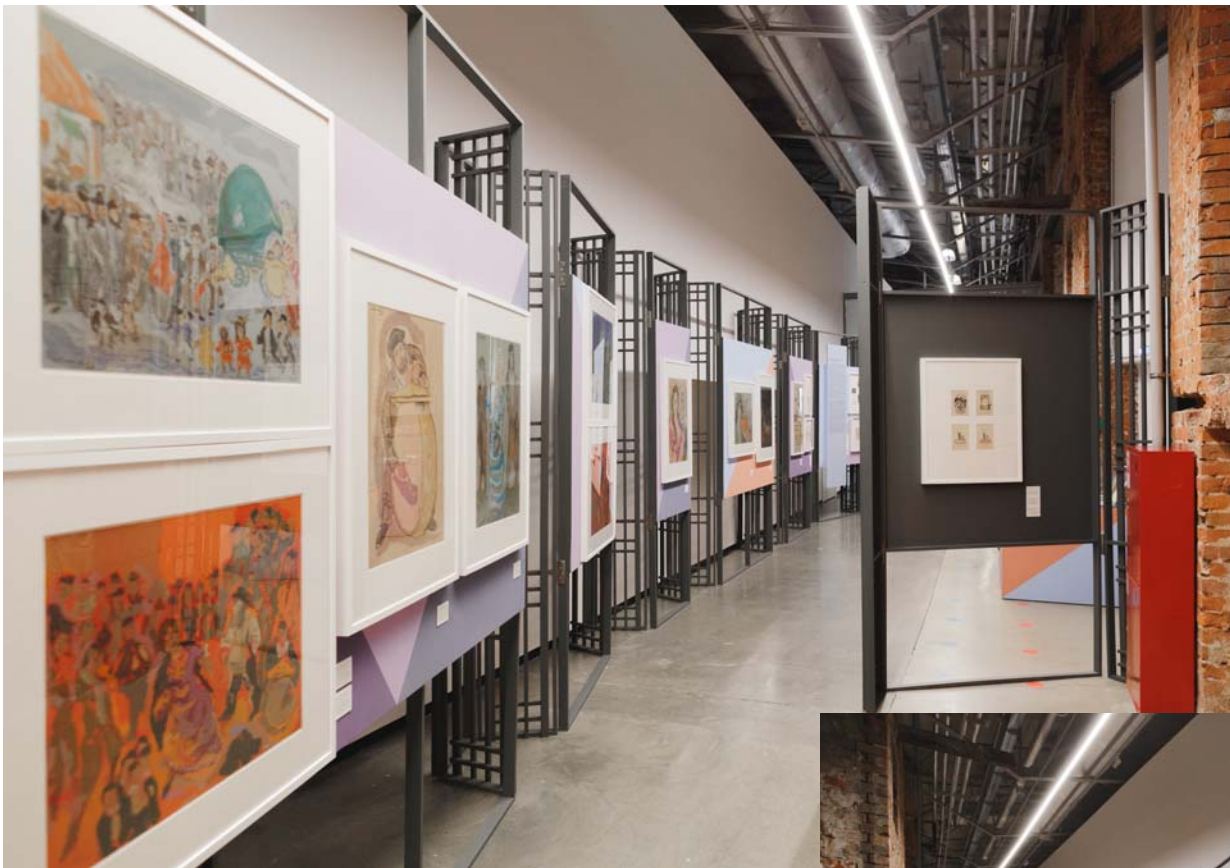
Собственно, к этой, скорбной, на сей раз «круглой», столетней дате сотрудники Еврейского музея и Центра толерантности приурачили настоящую выставку, которая была организована при поддержке главы Благотворительного фонда «САФМАР» Михаила Гучериева, будучи призванной дать посетителям возможность не только оценить масштаб персоны Шолом-Алейхема. Но и получить определенный «заряд» положительной энергии, как говорится, отогреться душой, прикоснувшись к досконально изученному Шолом-Алейхемом, давно уже подобно загадочной Атлантиде канувшему в Лету миру еврейских местечек и существующему сегодня исключительно на страницах книг Шолом-Алейхема и других авторов, писавших на идише.

Миру чрезвычайно колоритному, причудливо-пестрому, полному разительных контрастов, где возвышенные моменты органично соседствовали с моментами земными: смешное было непременно оттенено минором, а трагическое — толикой юмора и иронии.

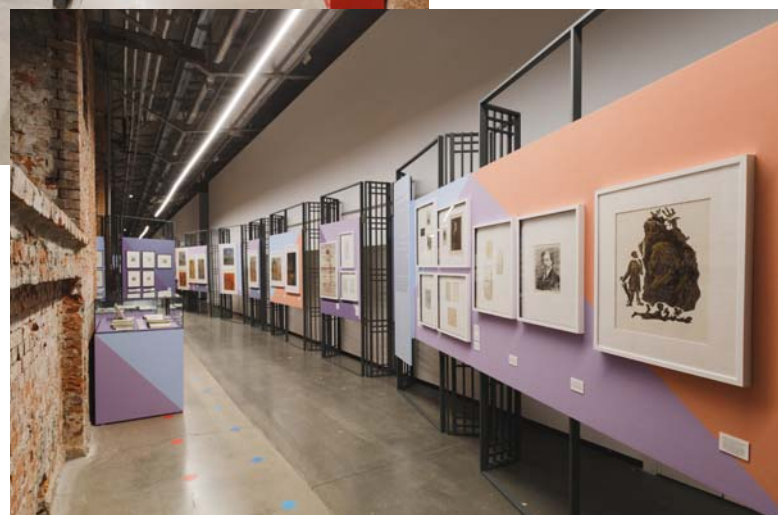
Сцена из спектакля «Тевье-молочник». Одесский ГОСЕТ, 1939 год

Вероятно, по этой причине он всегда был притягателен (и до сих пор остается таковым) для склонных к переменам настроений и, как следствие, к смешению различных, подчас полярных жанров представителей творческих профессий. Художников (в том числе легендарных Марка Шагала, Натана Альтмана, Исаака Рабиновича). Режиссеров (среди них в первую очередь стоило бы назвать основателя Камерного еврейского театра, впоследствии переименованного в ГОСЕТ, Алексея Грановского, а также в разные годы обращавшихся к «Тевье-молочнику» художественного руководителя Киевского театра имени Ивана Франко Сергея Данченко, лидера столичного «Ленкома» Марка Захарова, мэтра телевизионной режиссуры Сергея Евлахишвили). Артистов (и здесь, конечно, сразу вспомнились исполнители роли Тевье Соломон Михоэлс, Михаил Ульянов, Богдан Ступка, Евгений Леонов, Вениамин Зускин-Гоцмах из спектакля ГОСЕТа «Блуждающие звезды»).

Фрагменты
экспозиции

Поэтому кураторы экспозиции Гилель Казовский и Александра Полян дали ей соответствующее наименование «Шолом-Алейхем. Писатель и его герои в изобразительном искусстве, театре и кино», в согласии с чем включили в нее документы из эпистолярного наследия Шолом-Алейхема, отечественные и зарубежные издания его книг, картины, иллюстрировавшие повести и рассказы Шолом-Алейхема, афиши фильмов и спектаклей, основой которых являлись литературные создания писателя, обширную подборку фотографий, запечатлевших кульминационные моменты из их театральных и кинематографических версий.

Примечательно, что в центре внимания здесь оказались преимущественно не громкие сценические творения, а мало известные и зрительской аудитории, да, пожалуй, и специалистам постановки еврейских трупп республик бывшего Советского Союза — Азербайджанского, Белорусского и Украинских ГОСЕТов (сцена из датированного 1939-м «Тевье-молочника» в версии театра из Одессы даже украсила главный рекламный плакат данной выставки).

Это свидетельствовало о стремлении Г. Казовского и А. Полян не ориентироваться на «звезд», а об их желании обозначить приоритет просветительской функции своего начинания, дать как можно больше новой, небанальной информации тем, кто впервые попал в пространство Шолом-Алейхема. Так, скажем, центром живописного раздела выставки явились не всем известные шагаловские работы, а слегка забытые серии ра-

бот Анатолия Каплана к «Заколдованному портному» и Мане-Каца к «Степеню»...

А еще Г. Казовскому и А. Полян важно было подчеркнуть преемственность традиций русской и еврейской культуры, для чего были выставлены на обозрение копии писем Шолом-Алейхема ко Льву Николаевичу Толстому и Антону Павловичу Чехову, которых он искренне уважал и лично, и профессионально.

Правда, в связи с этим имело смысл предположить, что Чехов, наверное, должен был быть особенно близок Шолом-Алейхему, по примеру своего собрата по писательскому «цеху» неизменно внимательно вглядывавшемуся в противоречивую и непредсказуемую человеческую природу. Но, по точному наблюдению того же Вениамина Зускина, при всей любви к человеку «ненавидевшему условия, которые делали его несчастным, превращая в «без вины виноватого». ИБ